

K 556/49

Рис. И. СЕМЕНОВА

№ 35 МОСКВА 20 ДЕКАБРЯ 1949 ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

КРОКОДИЛ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ ХХVIII

Николай РОЖКОВ

Рождение песни

У МЕХАНИКА кинопередвижки Алексея Седых жена должна была родить в последних числах сентября, и он торопился к сроку вернуться домой, в Ашхабад. График следования грузовика кинопередвижки был Алексеем составлен так, что опоздать к этому радостному событию он не мог.

Сегодня рейс заканчивался.

На колодце Уч-Гюль кинопередвижка должна была обслужить последнюю группу колхозников-скотоводов, а там два дня пути — и Седых увидит жену.

Волоча километровый хвост пыли, кинопередвижка въехала в аул в час, когда тени домов и юрт правой стороны улицы накрыли плоские крыши левой стороны.

К грузовику разом кинулись огромные, головастые собаки. Безухие, бесхвостые, они злобно хрипели, норовя прокусить шину. За собаками, что-то крича, бежали дети.

Грузовик остановился на площадке около небольшого водоёма, где тесно росли деревья, стояли футбольные ворота и гулко рассказывал о скотоводах района репродуктор, прибитый к нижней ветке тутовника.

Как обычно, колхозники пришли смотреть картину семьями. Они принесли с собой ковры, кошмы или просто плетёные из соломы циновки. Женщины расставили на подносах фрукты, сладости и неизменный зелёный чай. Так образовались ряды «партера», «амфитеатра». Были даже «ложи» — плоские крыши соседних зданий. Их заняли старухи, которые считали, что смотреть кинокартину вместе со всеми — занятие, не подходящее для их возраста.

Седых заторопился с началом сеанса.

В этот рейс он возил кинокартину «Клятва», дублированную на туркменский язык.

Закончив сеанс и наскоро упаковав своё кинохозяйство, Седых поужинал у председателя колхоза и, вернувшись к грузовику, улёгся на кошму, которую оставили ему благодарные зрители.

Алексею приснился чёрный высокий джигит на чёрном высоком коне. И конь и человек были вырезаны из чёрного картона. Они передвигались бесшумно и не имели фаса. У коня и человека был только профиль.

Но чёрный всадник из алексеева сна спокойно въехал в явь и тихо сказал:

— Салам! Я рад, что застал тебя здесь!

— А что бы случилось, если бы меня здесь не было? — сразу проснувшись и предчувствуя недоброе, спросил Алексей.

— Я бы догнал тебя в районе: ведь дорога коня быстрее и короче дороги автомобиля.

Теперь Алексей рассмотрел лицо джигита. Это был юноша редкой почти девичьей красоты.

— У меня... нет, у нас, — поправился юноша, — к тебе, товарищ, просьба: показать «Клятву» на колодце Багир.

— Не могу. Должен быть в Ашхабаде. Вызывают. Срочное задание. — соврал Седых.

— Но, может быть, ты изменишь решение? — ещё настойчивей повторил свою просьбу юноша.

— Сколько у вас там зрителей? — спросил Седых, в душе уже твёрдо решив отказать ходоку.

— Я не понимаю тебя, — сказал юноша.

— Ну, сколько людей будет смотреть картину? — пояснил Седых.

— Один человек, — ответил юноша. — Мой отец!

«Молодой, а наглый! — сразу решил Алексей. — Вот родятся же такие!»

— По инструкции кинокартину могу пускать, если в зале зрителей не менее двадцати человек. Лента изнашивается, а это ценность, — официальным тоном объяснил Седых и поправил подушку, дав понять, что разговор окончен. — Понимаешь? Инструкция! — повторил он для большей убедительности. — Так что не могу. Прощай, друг!

Седых закрыл глаза и неожиданно для себя мгновенно заснул. Проснулся киномеханик от того, что кто-то быстро и очень бережно, но и очень крепко закатывал его в кошму, на которой он спал. Потом Алексея подняли и под дружный женский смех положили в кузов его же грузовика, который, круто развернувшись, сразу взял предельную скорость.

И так неожиданно было это похищение, что Седых не успел позвать на помощь или оказать достойное сопротивление. Он яростно катался по грузовику, пытаясь освободиться от кошмы.

— Ответите! — кричал Седых невидимому врагу. — По суду светите!

От обиды, что его, гвардии сержанта, кавалера многих орденов, так запросто упаковали в войлок, он закричал зубами.

И, наконец понял, что избавиться от кошмы невозможно, затих. Отъехав от аула Уч-Гюль, грузовик остановился.

Алексей очень удивился, когда увидел перед собой в кузове юношу, знакомого по ночному разговору.

Юноша сказал:

— В полдень мы будем в Багире, и ты...

— Уйди! — сказал Седых.

Когда грузовик остановился во второй раз, был полдень. В кузов поднялось несколько мужчин. Они перенесли Седых в просторную комнату и там освободили от кошмы.

— Отдыхайте! — сказал старший из них. — Вам нужен отдых.

— Мне отдыхать некогда. Мне одно слово надо сказать тому... шофёру, который меня сюда доставил, — в голосе Седых была явная угроза.

— Шофёр к вам придёт, — пообещал колхозник и, улыбаясь, вышел вслед за остальными.

Сейчас же в комнату вошла девушка. Алексея поразило её сходство с шофёром-похитителем. Только тот, пожалуй, был выше ростом да круче в плечах.

— Я хочу просить у вас прощения, — начала девушка, не поздоровавшись, что несколько обидело Седых, и поэтому он перебил её:

— Пусть это сделает ваш брат...
 — Мой брат?—удивилась девушка.— Но у меня нет брата.
 Седых недоверчиво посмотрел на девушку:
 — А кто же сюда меня привёз?
 — Я, Джерен Сарыева,— сказала девушка и смутилась.— Не одна, конечно: мне помогли подруги из аула Уч-Гюль.

Тот факт, что его взяла «в плен» такая красавица, сразу привёл Алексея в весёлое расположение духа. Но он сказал с напускной строгостью:

— За похищение кинопередвижки вместе с обслуживающим персоналом, со мной то есть, ответить вам, товарищ Джерен, придётся, а сеанс начнём, как свечерееет!

Выбрав место для демонстрации картины, Седых растянул на раме экран, проверил на моталке ленту, зарядил первую часть в проекционный аппарат и стал ждать темноты и зрителей.

В Кара-Кумах не бывает сумерек: сразу за днём наступает ночь.

Зрителей собралось человек двадцать. Последними пришли Джерен и её отец—высокий и, как Алексею показалось, строгий старик.

Седых со спокойной совестью, что действует по инструкции, начал демонстрацию фильма.

...Злой сталинградской метели тесно на квадрате экрана. В метель убивают кулаки ходока к Ленину... Так начинается «Клятва».

Вдруг кто-то стиснул руку Алексея, и, повернувшись, он увидел бледное лицо Джерен.

— Пустите картину медленнее!— взволнованно зашептала девушка.— Я не успеваю рассказывать её отцу, и он хочет уйти.

— Зачем рассказывать?—не понял Седых.

— Он слепой!—почти крикнула девушка.— Понимаете? Слепой!— повторила она уже тише.

Седых выключил проекцию, и белый луч, ударившись в зеркало экрана, осветил площадку.

Вытянувшись во весь рост и повернувшись лицом к аппарату, не мигая, смотрел на свет отец Джерен. А его огромная тень, заполнив экран, легла продолжением своим на густую листву деревьев, обеспокоив птиц.

— Я лучше уйду!—сказал старик.

И столько в его голосе было тоски по миру, который залила болотная вода слепоты, что Алексея Седых будто ветром сорвало с места.

— Нет, нет, не уходите!— горячо запротестовал Седых.— Я покажу вам картину! Обязательно покажу... Я буду каждую часть показывать вам по нескольку раз, тогда Джерен ничего не пропустит...

В восемь часов вечера на колодце Багир начался сеанс, который продолжался два дня.

Седых разложил киноленту на сотни кусков, о которых Джерен рассказала столько же больших и маленьких рассказов.

Никогда, нигде, ни у одной картины не было таких внимательных зрителей, какими были Седых, Джерен и её отец.

Так слепой «увидел» и услышал «Клятву».

Седьмого ноября в Ашхабадском городском парке культуры и отдыха выступали народные поэты—шахиры—и певцы-импровизаторы—бахши.

Седых очень удивился, получив именно приглашение на этот вечер.

В парк Алексей пришёл с женой. Они заняли свои места в первом ряду летнего театра.

На сцену выходили прославленные поэты и певцы. Они пели свои песни, аккомпанируя себе на дутарах.

Ведущий вызвал поэта Алты Сарыева, который сегодня выступал первый раз в жизни.

На сцену, к крайнему удивлению Седых, поднялся слепой старик из аула Багир.

Старик тронул струны дутара, и они вдруг резко, на высокой ноте пропели несколько тактов мелодии. Потом успокоились, заговорили мерно, как бы вторя тихому голосу слепца.

«Я слышал Сталина, великий человек говорил со мной по-туркменски...»—так начал свою песню Алты Сарыев.

Обретя наконец дар речи, Седых торопливо зашептал жене:

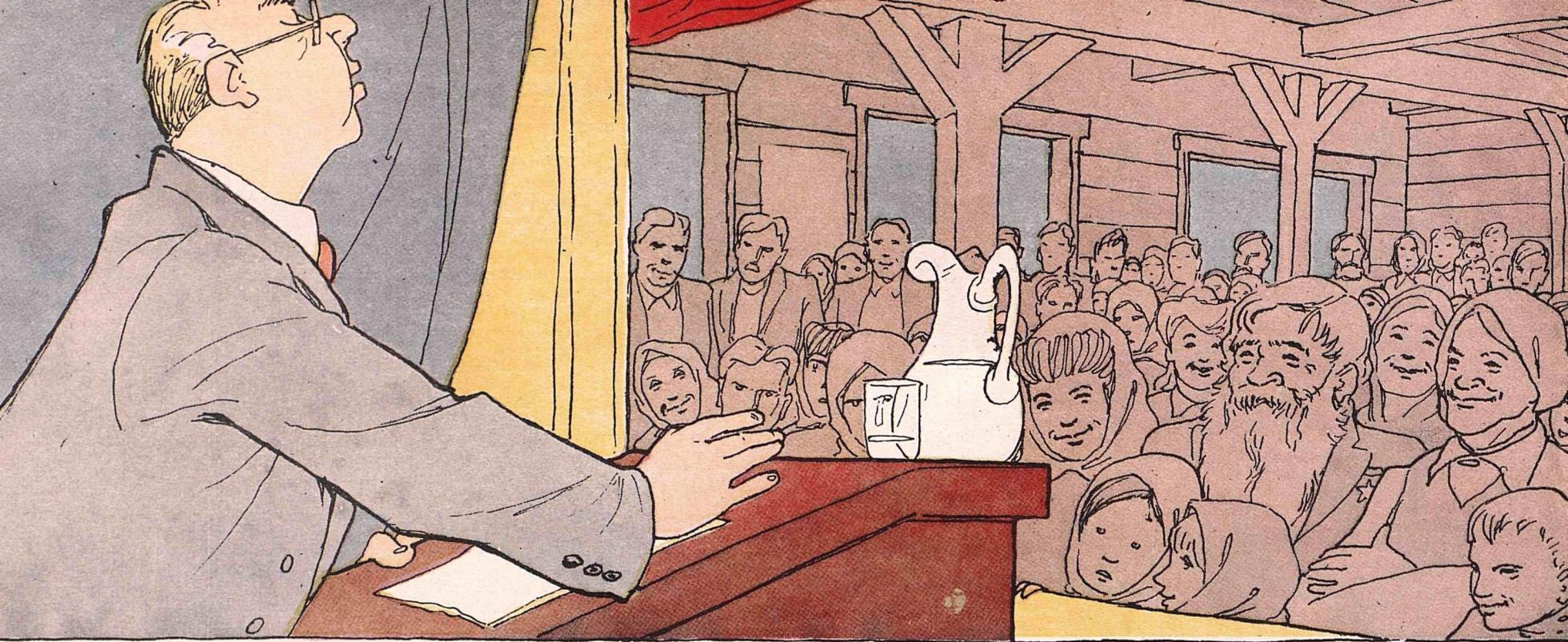
— Это же он, ну, тот старик, которому я «Клятву» показывал! Ты ещё не верила! А видишь, человек с моей помощью какую песню сложил!..

— Да ведь я...—начала было оправдываться жена, но на них зашикали, и они замолчали.

Алты Сарыев пел о Сталине, и радио передавало эту песню по всей Туркмении, по всей необъятной его родине...

«...Дело Ленина не умрёт, клятва крепка твоя;
 Ленинским нас путём ведёт сталинская рука твоя;
 Солнцем побед озарён народ, слава взошла твоя;
 Вечнозелёным садом цветёт родная земля твоя;
 Знамя-Ленина ты водрузил; имя твоё — Сталин!».

— Я вам рассказал, товарищи колхозники, о пользе электричества в сельском хозяйстве.

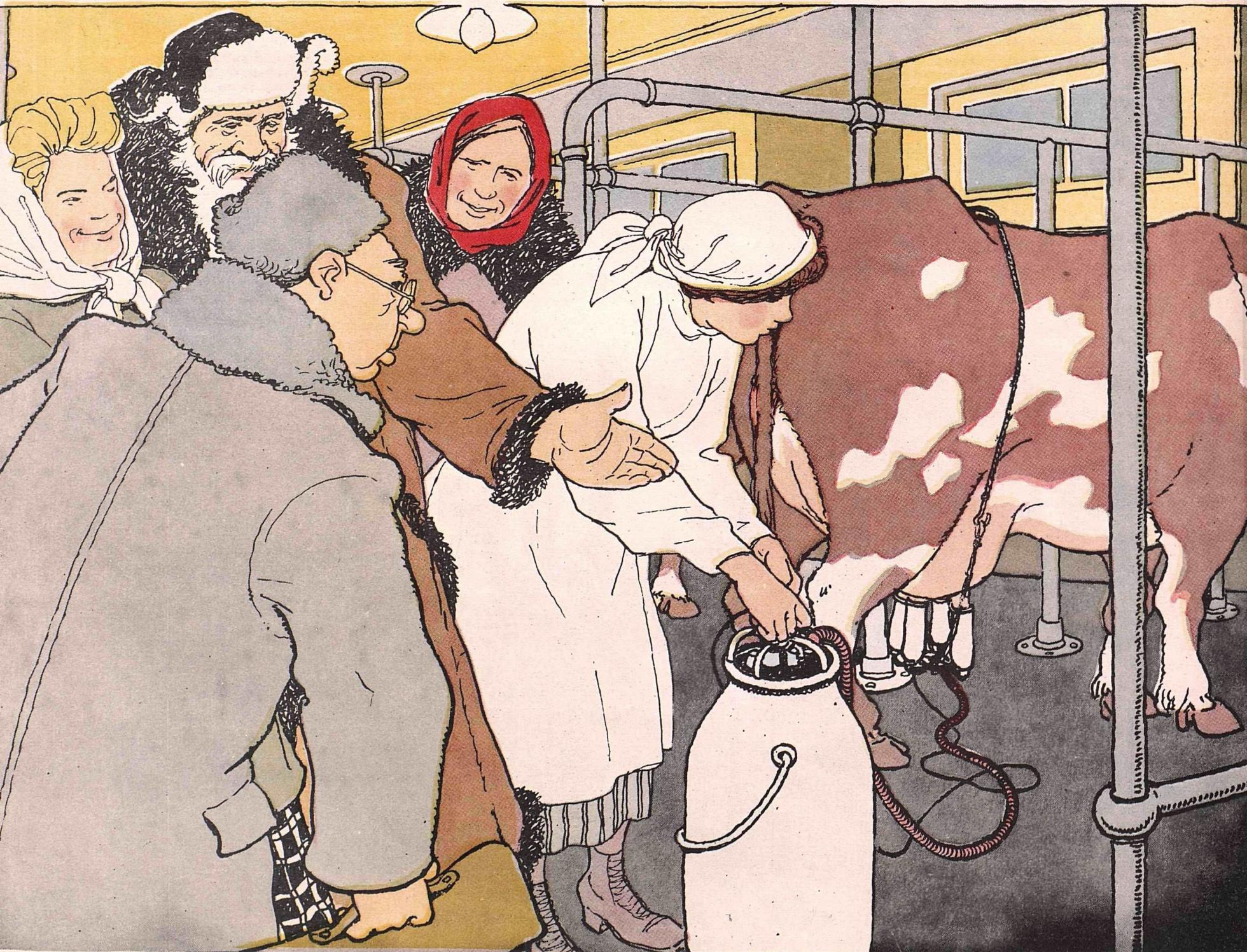

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

— Спасибо, товарищ лектор, а теперь мы вам покажем всю пользу электричества в сельском хозяйстве.

НЕУГОМОННЫЙ НАРОД

МАРЬЯ Андреевна сидела за столом и задумчиво смотрела в окно, из которого виднелись колхозная изба-читальня и огромный корпус вновь выстроенной двухэтажной школы. Перед ней лежала стопка тетрадей и поверх них толстый красный карандаш. Но Марья Андреевна не читала, не выносила на поля галочки и колышки, не ставила ни пятёрок, ни двоек, ни единиц, а молча глядела во двор, по которому шёл её муж, Николай Иванович, врач колхозной поликлиники.

— Ты уже дома? — крикнул он, раскрывая настежь дверь, чтобы проташить в неё своё огромное тело. — А я думал, у тебя педсовет... Безобразие! — продолжал он, с неистовством расстёгивая халат. — Сколько раз говорил, надо устроить медосмотр детям, а они...

И, как обычно, он стал чистить этих «они». Они — это правление колхоза, они — это сельсовет, они — это районное начальство, к которому, между прочим, принадлежал и он сам как депутат райсовета. Но это не мешало ему всегда ругать этих «они». Ругался он беззлобно, в тоне этой ругани было больше доброжелательства и покровительства, но, тем не менее, он ругал, ругал даже, когда был доволен, — уж такая натура у Николая Ивановича.

Когда халат был, наконец, расстёгнут, вместе с этим кончилось его очередное словоизлияние. Николай Иванович, засучив рукава, подошёл к рукомойнику и заметил, что Марья Андреевна чем-то взволнована.

— Что, опять двойки? — загремел он. — Ошибок много? И когда ты, наконец, отучишься за каждую двойку болеть? Не переведутся, Марьюшка, двойки... Сегодня он, к примеру, написал «цветочек», поправила, так он тебе завтра напишет «цветочик», а ты страдаешь...

— Уж будто ты за своих пациентов не волнуешься, — сказала Марья Андреевна.

— Я волнуюсь за пациентов? — воскликнул Николай Иванович, и его грохочущий хохот заполнил всю комнату. — Да что ты, Марьюшка, — кричал он, потрясая рукой в мыльной пене, — если мне за каждого больного переживать, здоровья нехватит! А вот ты из-за каждой двоекки худеешь!.. А я бы на твоём месте кол — и дело с концом.

— Легко сказать — кол. Обидно, понимаешь: хороший ученик, старательный, должен был сегодня отвечать, ведь последний день четверти, а он воспользовался моим доверием и не пришёл в школу. Иду домой, гляжу: он гуляет по улице. Как ни в чём не было подходит ко мне и говорит: «Можно, я приду к вам после обеда, всё отвечу?». Возмутил он меня, я отвернулась и прошла мимо.

— Кол! — взревел Николай Иванович. — И никаких гвоздей! Заслужил! Эх, Марьюшка, для ученика схитрить — одно удовольствие... Уж на что я тихоней был, и то однажды урок не выучил, пришёл в школу, сделал постное лицо и говорю: бабка померла. А учитель приятель моему отцу был. Явился к нему с соболезнованием. Уставился на него отец: «Бог с тобой, — говорит, — уж, почитай, двадцать лет, как померла». Ну, и влетело мне за бабку. Вот так-то... Ставь кол — и дело с концом!

Марья Андреевна усмехнулась.

— Что ты, право, — сказала она с обидой, — Коле Мальцеву — и вдруг кол...

— Кому? — пробасил Николай Иванович. — Мальцеву? Николаю? Да у него злейший конъюнктивит, я ему категорически запретил читать и напрягать зрение.

— Он болен? — вскочила с места Марья Андреевна. — Почему же он ходит на улицу? — спросила она.

— Свежий воздух при конъюнктивите не противопоказан, вот он и ходит.

— Как жестоко с ним я общалась...

— Опять нехорошо! — гудел Николай Иванович. — А ты мне лучше, матушка, скажи, как он мог тебе обещать прийти после обеда, значит, он уроки учить будет, так я понимаю?

— Повидимому...

— Что? При конъюнктивите он мне будет читать? И всё из-за вашей двойки? Тут он готов и глазами, и сердцем, и печёнкой пожертвовать. Экий сорванец! Я ему покажу читать! — кричал Николай Иванович, снова напяливая на себя халат.

— Ты куда? — удивилась Марья Андреевна.

— Подышать выйду, погода хорошая, — буркнул он сердито, уже пролезая в дверь.

— Ох, и неугомонный! — вздохнула учительница и подошла к окну. Ей показалось, что день стал светлей, солнечней. Возле избы-читальни мелькнул белый халат Николая Ивановича и скрылся в воротах дома Мальцевых. Вдруг кто-то шмыгнул через забор, и Марья Андреевна угадала шуструю фигурку Коли, скакавшего через грядки прямо к дому.

— Коля! — вскрикнула учительница, когда мальчик приоткрыл дверь.

— Простите меня, Марья Андреевна, — сказал он, ещё не отдышавшись, с порога, теребя кепку, — я не мог... глаза у меня заболели, но теперь я всё знаю, выучил...

— Как ты учил, ведь тебе доктор запретил читать? — строго спросила Марья Андреевна.

— А мы перехитрили...

— Кого, доктора?

— Да нет, болезнь эту... Читать нельзя, ну вот, ребята собрались и говорят: давай мы тебе будем читать, а ты слушай, — вот и выучил... Так отвечать? — спросил Мальцев, нетерпеливо топчась на месте. И тут же стал декламировать стихотворение Некрасова «Железная дорога». Только он разошёлся, как со двора донёсся голос Николая Ивановича. Коля остановился и стал испуганно искать глазами, куда бы ему спрятаться.

— Не бойся, он тебя ругать не станет, — улыбаясь, сказала Марья Андреевна.

— Вот ты где, пострел быстроногий, — загремел доктор, — а ну-ка глаза!

— Я не читал, — вымолвил Коля.

— Он не читал, — в тон повторила Марья Андреевна.

— Знаю, слышал. Читал, не читал, — ворчал доктор сердито, поворачивая к окну голову мальчика. — Так, так, — басил он, видимо, довольный осмотром, — ну, теперь рассказывай, — примирённо отпустил он Мальцева, — как ты там болезнь перехитрил, а? Только зря меня по улицам прогонял, чертёнок этакий...

Он добродушно потрепал вихор мальчишки и с восхищением воскликнул:

— Ну и неугомонный же народ! Не то, что мы с тобой, Марья Андреевна...

ФРАНК: — Как этот рубль выглядит хорошо!
МАРКА: — Ещё бы! Ведь на него доллар не давит!

О МИЛЛИОНАХ И МИЛЛИОНЕРАХ

ВСПОМНИТЕ мрачную фигуру американского миллионера, изображённого Горьким в памфлете «Один из королей республики». В глубоком кресле сидел длинный, сухой старик, с бесцветными глазами, ханжа и людоед, любящий две книги: Библию и Главную Бухгалтерскую.

— Что вы делаете с вашими деньгами? — спросил его писатель.

«Миллионер немного приподнял плечи, его глаза пошевелились в орбитах, и он ответил:

— Я делаю ими ещё деньги...

— Зачем?

— Чтобы сделать ещё деньги...

Собеседником Горького был король железных дорог...

Каменщик Николай Ольшанов — один из самых знатных и популярных людей Москвы. Трудно назвать такой район столицы, где бы не нашлось здания, построенного с участием Ольшанова.

— Сколько вы уложили кирпичей за свою жизнь?

— Не считал!

— А за прошлый год?

— Больше миллиона штук.

— Так вы, значит, миллионер?

— Пожалуй, в некотором смысле.

— В очень хорошем смысле! Каковы ваши планы?

— Мне надо... ещё несколько миллионов.

— Зачем?

— Чтобы советским людям лучше жилось. Старики уверяли, что копейка рубль бережёт, — смеётся Ольшанов. — Так и мы: по кирпичику вносим, а наша родная Москва за годы советской власти выросла на семь миллионов квадратных метров жилья.

* * *

Американский король мерил свои миллионы долларами. У советских людей мера иная — метрами, кубометрами, километрами, киловаттами, тоннами угля, зерна, стали, добытыми, выращенными, сваренными для того, чтобы ещё лучше жилось народу. Представьте себе такой совершенно реальный разговор:

— Сколько у вас, товарищ Иванов?

— Миллион.

— А у вас, товарищ Черняков?

— Миллион.

— А у вас, товарищ Папунашвили?

— Миллион.

— А у вас, товарищ Сандлер?

— Миллион.

— Да сколько же вас, миллионеров?

— Несколько сот.

— И у всех по миллиону?

— Нет, есть и по два.

— У кого же больше миллиона?

— У Бочканова, Пастухова, Монахова, Шишикина...

— И много их?

— Десятки.

— И у всех по два миллиона?

— Нет, у одного — три.

Всё это лётчики-миллионеры Гражданского воздушного флота, люди, налетающие по воздуху миллионы километров. Есть и миллионерши. Есть и экипажи-миллионеры. За штурвалом — миллионер Дмитрий Бариллов. Второй пилот — Герой Советского Союза миллионер Александр Марченко. Радист — миллионер Виктор Лавренёв.

Николай Новиков ведёт счёт четвёртому миллиону километров. Это — гигантское расстояние. Если бы Николай Иванович летал по экватору, то успел бы облететь восемьдесят раз вокруг земного шара.

* * *

...Николай Иванович, разумеется, не раз пролетал над обширной территорией Мо-

сковского металлургического завода «Серп и молот». Много лет проработали тут сталевары-миллионеры Филипп Свешников и Иван Поваляев.

— Нету у меня миллиона, — вмешается, прочитав эти строки, Свешников.

— А сколько?

— Миллион на двоих.

Формально Филипп Иванович прав: он и Поваляев сварили миллион тонн металла вдвоём. Но, во-первых, это всё-таки миллион, и миллион тонн стали, сваренной советскими рабочими для укрепления своего советского государства; во-вторых, сталь качественная; в-третьих, стоимость выплавленного металла составляет не мало миллионов рублей. Право, их можно считать полноправными советскими миллионерами! Так сказать, без защиты диссертации.

Пойдём дальше на восток. Вот Коломна. Паровозостроительный завод имени Куйбышева. В цехе холодной штамповки работает рационализатор Алексей Буфеев. Его предложения позволили заводу сэкономить миллион рублей. Сейчас он начал второй миллион: изменил конструкцию паровозной маслёрки, уменьшил её вес, сократил число операций.

— Для чего вы это делаете?

— Чтобы получить больше прибыли.

— Кому?

— Социалистическому государству.

Продолжим наш путь на восток. Вот Златоуст — родина русской качественной металлургии. Металлургический завод имени Сталина.

В минувшем году завод отказался от дотации и дал более 20 миллионов рублей прибыли. Нынче коллектив уверенно шагнул дальше. Каждую неделю главный бухгалтер перечисляет государству один миллион рублей.

Горький писал, что пальцы рук короля американской республики обладают удивительным чутьём и волшебной силой; если он, сидя в Нью-Йорке, почувствует, что где-то в Сибири вырос доллар, — он протягивает руку через Берингов пролив и срывает любимое растение. С той поры многое изменилось. Сгинула волшебная сила американских миллионеров, руки их стали коротки. А в Сибири появились наши миллионеры, и охотятся они не за долларами.

* * *

Город Коркино лишь недавно появился на географических картах. До революции там стояла небольшая деревушка, и её жителям в голову не приходило, что они попирают бесценную землю. А потом пришли геологи и определили, что тут залегают колоссальной толщи угольные пласты. Так родились знаменитые коркинские разрезы. Много прославленных шахтёров работает в забоях и на площадках. Завидным авторитетом пользуется машинист экскаватора Николай Панарин, Герой Социалистического Труда. В прошлом году, к примеру, его бригада дала 50 составов угля сверх плана.

— Любопытно, сколько Панарин добыл угля за свою жизнь?

— Миллион тонн.

Значение этой цифры не сразу доходит до сознания. Миллион тонн — да это целое месторождение угля!

* * *

— Давайте слетаем к колхозникам, — предлагает Новиков. — Не всё же заниматься промышленностью.

Пожалуйста. Куда? В Узбекистан — там несколько сот колхозов-миллионеров. В Киргизию? На Украину? В Армению? В Грузию? Везде нужен точный адрес, иначе даже такой опытный пилот, как

Новиков, собьётся при посадке. В одном Батумском районе пятнадцать колхозов с миллионным достатком. Вот и выбери, где приземляться!..

В своей книге «60 семейств Америки» Ф. Ландберг описывает дом миллионера Николая Ф. Брэди на острове Лонг-Айленде. В нём около сотни комнат, столовая на полторы тысячи бездельников, спальни для 45 именитых гостей, причём каждая снабжена распятием и чашей со святой водой. Специальный штат следит за тем, чтобы жидкость не протухла, и пополняет чашу из ближайшего торгового церковного заведения. В доме другого биржевика, Пьера Дюпона, установлен орган, состоящий из 10 тысяч труб; они выходят в зимний сад, где за особую плату можно послушать уникальное рывканье.

Усадьба абхазского колхоза имени Ленина с меньшими претензиями, но жить в ней куда приятнее, чем в золочёных палатах с церковной утварью. У всех крестьян удобные дома, в каждом электрический свет, радио, водопровод, дающий превосходную, хотя и не святую воду. Музыку колхозники слушают бесплатно — либо у себя дома, по трансляции собственного радиоузда, либо в сельском клубе. Колхоз в прошлом году получил около 10 миллионов рублей дохода, нынче будет ещё больше. В селе гостиница, стадион, хата-лаборатория, строится дом культуры и новое здание общественных организаций.

Таких колхозов тысячи. Боюсь, что Николаю Ивановичу Новикову нехватало бы всего его звёздного километража для того, чтобы облететь всех советских миллионеров...

* * *

В своё время американскую печать обошло сенсационное сообщение, что мистер Донагю (магазины стандартных цен) проиграл за год в карты миллион долларов.

Наши миллионеры за зелёным столом не подвизаются, денежкам ведут строгий счёт, но тратят порой не меньше. Недавно приятель познакомил меня в театре со своим спутником.

— Миллионер, каких мало, — сказал старый знакомый, рекомендуя нового.

— Интересно. У вас действительно очень большие доходы?

— Доходы обыкновенные. Вот расходы у меня солидные: миллион рублей.

— В год?

— Что вы!

— В месяц?

— Нет, так бы я давно прогорел. Я расходую миллион в сутки.

Оказалось, что новый знакомый — директор крупного строительного треста, которому поручено расширение ряда машиностроительных предприятий. Годовой бюджет треста составляет более трёхсот миллионов рублей. Вот он и тратит в день по миллиону.

— И чем больше тратим, — смеётся он, — тем богаче становится страна, тем лучше живут наши люди.

* * *

Возвращаясь из Америки на родину, Валерий Павлович Чкалов на борту «Нормандии» разговорился с американским дельцом.

— Вы богаты? — спросил миллионер советского лётчика.

— Да, очень богат, — ответил Чкалов.

— В чём выражается ваше богатство?

— У меня 170 миллионов.

— 170!!! Чего? Рублей или долларов?

— Нет, 170 миллионов человек, которые работают на меня, так же как я работаю на них!

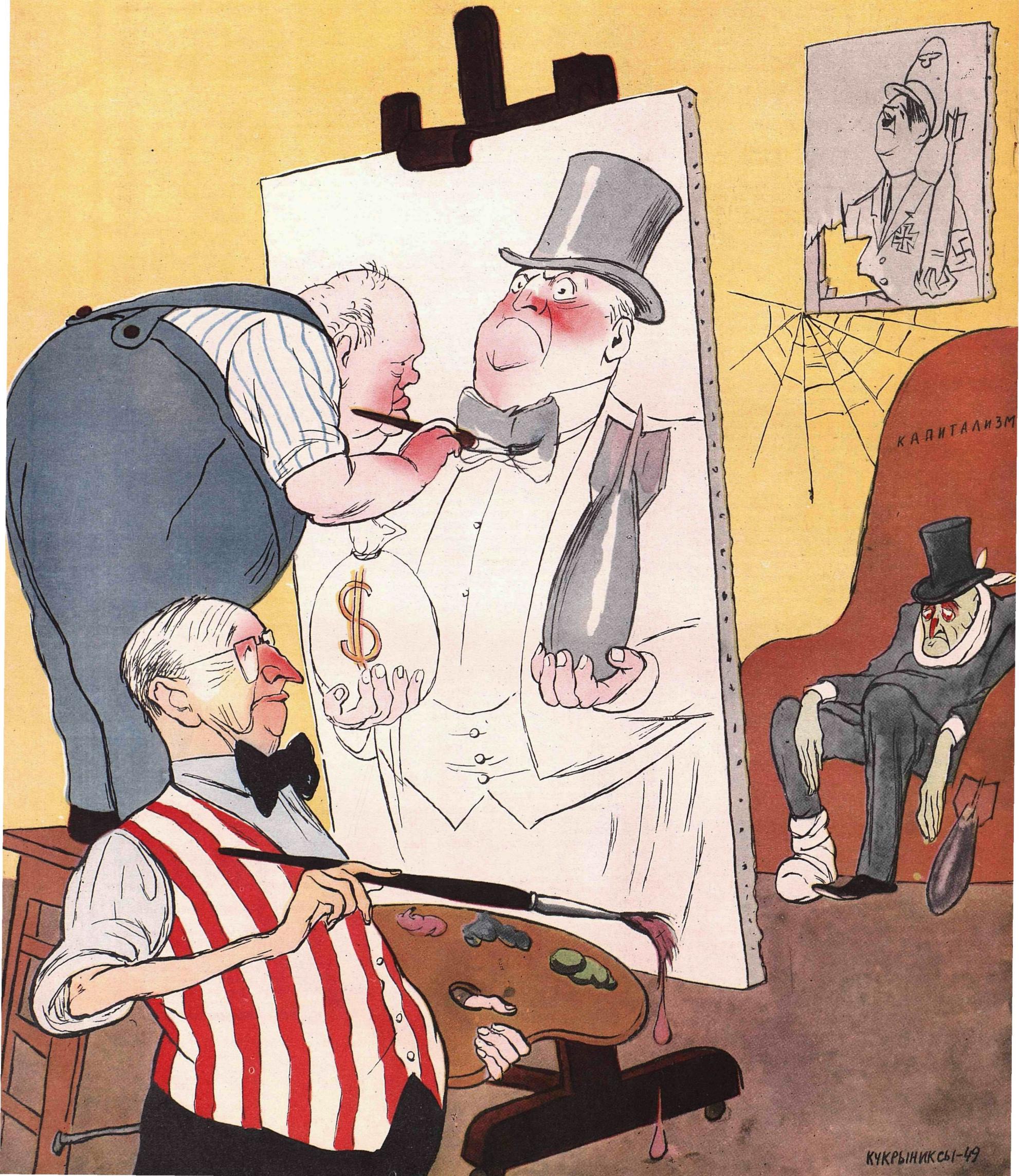
Да, у нас миллионы миллионеров!

Л. ОГНЕВ

Англо-американская пропаганда из кожи лезет, убеждая всех в процветании и могуществе капиталистической системы, всячески замазывая противоречия и заливание этой системы.

Рис. КУКРЫНИКСЫ

Не так страшен чорт, как его малюют!..

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ АМЕРИКАНСКИЙ СЕРЖАНТ

ЕСЛИ поверить продажным писакам из американской печати, то на армию империалистической Америки нельзя взирать без умиления. Если поверить... Но в том-то и дело, что никто этому не верит. Правда об американской армии уж слишком бьёт в глаза, слишком уж выпирает явно фашистский дух, который культивируется американской военщиной. Не рядовой американский солдат, честно выполнявший свой долг в борьбе с германским фашизмом, а бандиты и гангстеры, громилы и мародёры делали и делают погоду в американских военных частях. Так же как и в гитлеровской армии, оруженосцы Уолл-стриты всячески поощряют все виды бандитизма, пытаются воспитать послушных убийц, пригодных для осуществления международных авантур.

В годы второй мировой войны американский сержант Билл Молдин приобрёл широкую известность своими карикатурами. Когда война окончилась, он собрал эти карикатуры воедино и снабдил их своими комментариями. Временами карикатурист делает интересные признания, а некоторые из его зарисовок, выполненные в Италии и Франции, показывают армию США такой, как она есть, и приобретают силу документов, свидетельства очевидца.

«Когда мы вступали в города Италии и Сицилии, — пишет Молдин, — большинство населения горячо приветствовало нас. Но уже через двадцать четыре часа весь энтузиазм местных жителей испарился и начинали сыпаться жалобы... Италия, — продолжает Молдин, — выглядит так, точно её из конца в конец прочесали гигантские грабли. Если вспомнить, что параллельно с граблями проходили мы, то покажется удивительным, как там вообще что-либо осталось».

Мародёрство поощрялось в американской армии, одобрялось поведение тех солдат, которые совершали набеги на крестьянские дворы, истребляли стада, воровали кур. Молдин пишет: «Один солдат в Анцио утверждал, что... его атаковала корова и ему пришлось застрелить её в целях обороны. Даже трудно себе представить, у скольких солдат возникала срочная необходимость прочистить канал винтовки выстрелом, а корова, как на грех, оказывалась тут же рядом».

Солдаты часто врываются в дома и амбары мирных жителей под предлогом «поисков оружия».

«Первое, чему нас, пехотинцев, обучили, — повествует Молдин, — это «промышлять» где только возможно».

Картинки с натуры Молдина показывают, как американские солдаты громят винные склады, варят самогон, бесчинствуют в кабаках. «Мы полнокровные американцы!» — орут «ребята» из Нового Света на развалинах европейских городов.

«В любом городе, взятом американской армией, некоторое время спустя можно было наблюдать, — пишет Молдин, — грубых, бородатых дикарей, которые как бы снова брали этот город с бою. Они остервенело кричали, колотили окна, швыряли в людей бутылками из-под вина...» — так изображает Молдин дикую орду, именуемую регулярной частью.

«Надёжные» солдаты американской армии, мародёры, годные на любое преступление, — таков облик американских гангстеров на европейской земле. Впрочем, Молдин признаёт, что и у себя на родине они отнюдь не пользуются популярностью среди американского народа. «В американских городах, где солдат не только не любили, но относились к ним с открытой враждебностью (а таких городов в Америке было очень много), мы не мешали, — пишет Молдин, — весельчакам из нашей дивизии ночью рыскать по улицам и бить стёкла в домах».

О том, каких «весельчаков» выпестовала американская военщина, рассказывает Молдин в другой части своей книжки. «Американский рядовой, в мирном быту телохранитель известного гангстера, ночью набрёл на двух немцев, спавших под одним плащом. С профессиональным умением он перерезал горло одному солдату, оставив второго в живых, чтобы тот, проснувшись, мог полюбоваться на своего приятеля. Этот остроумный трюк вызвал у многих солдат искренний восторг... Армия не смогла бы обой-

тись без таких солдат, — цинично заключает Молдин, — своими замечательными похождениями они вдохновляют фронтовых товарищей на военные подвиги...»

Среди легенд, которые хотят создать заокеанские поджигатели новой войны, видное место занимает легенда о том, что якобы солдаты США рабски преданны своим офицерам. Однако наблюдения Молдина свидетельствуют о другом: о неуважительном отношении рядовых солдат к своим офицерам. Да и понятно: среди американских офицеров культивируется такой же дух гангстерства, как и среди солдат.

В своих рисунках Молдин показывает, как солдаты в одном из французских городов забрасывают собственных офицеров тухлыми яйцами и гнилыми помидорами.

Автор рисует с натуры и другую сценку.

Генерал подкатывает в автомобиле к фронтовой столовой. Офицеры подобострастно бросаются ему навстречу. А стоящие поодаль солдаты говорят: «Одним дармоедом больше стало!»

Книжка Молдина ясно даёт понять, что у американских солдат есть все основания ненавидеть офицеров за грубость и презрительное отношение к подчинённым. Молдин рисует двух офицеров, наблюдающих восход солнца. «Прелестный вид! — восклицает один. — А существует ли что-либо подобное для низших чинов?». На другом рисунке изображена группа солдат, работающих у просёлочной дороги. Мимо них проносится «виллис», и сидящий в нём офицер, окатив солдат с ног до головы грязью, издевательски хохочет над ними.

Молдин пишет: «Многих кадровых офицеров, несомненно, обескураживает тот дух скрытого бунта, который время от времени даёт себя чувствовать в армии...»

В американской армии существовал острый антагонизм между фронтовыми частями и тыловыми организациями.

«Хотя для солдат на передовой, — пишет Молдин, — прибывало новое тёплое обмундирование, но солдаты на фронте продолжали дрожать под дождём в грязи, одетые в летние курточки и насквозь промокшие обмотки. Сотни тысяч комплектов зимнего обмундирования разворовывались в тылу. Порою возмущённые солдаты собственноручно расправлялись с тыловиками, одетыми в тёплую форму. Загонят, бывало, какого-нибудь «щёголя» в тёмную подворотню и выпустят его оттуда уже в истрёпанной полевой курточке и мокрых обмотках».

Жалкий зимний «наряд» американского фронтовика послужил темой многих карикатур художника.

Молдин рассказывает и о негодовании, которое охватывало солдат, когда они слышали, как американские дельцы наживались на войне. «Бизнесмены, — пишет он, — использовали солдат на фронте для рекламы различных напитков, консервов и витаминов, но снабжали их отвратительными, несъедобными продуктами. Но более всего разгневаны были солдаты, подчёркивает Молдин, «когда узнали о крупной американской фирме, уличённой в подкупе приёмщиков и отправке на фронт негодной брони для танков».

Факты, сообщаемые Молдином, говорят о том, что американские милитаристы внедряют в своей армии подлинно фашистские нравы, стремятся выпестовать фашистских молодчиков, готовых с оружием в руках служить империалистическим агрессорам. Любопытно, что американские военнослужащие во время второй мировой войны распевали песню, позаимствованную у неприятеля. «За неимением собственной военной песни мы вынуждены были делить «Лили-Марлен» с немецкими фашистами... — жалуется Молдин. — И вот однажды, — продолжает он, — «Лили-Марлен» подвела наших парней. В день взятия одного французского города они собрались в баре и давай во-всю распевать «Лили-Марлен». Возмущённые французские партизаны набросились на них и потребовали, чтобы американские солдаты заткнули свои глотки...»

Что ж, эпизод поучительный!..

В. ЛИМАНОВСКАЯ

В ИТАЛЬЯНСКОЙ ДЕРЕВНЕ

— Мы ждали освободителей, а...

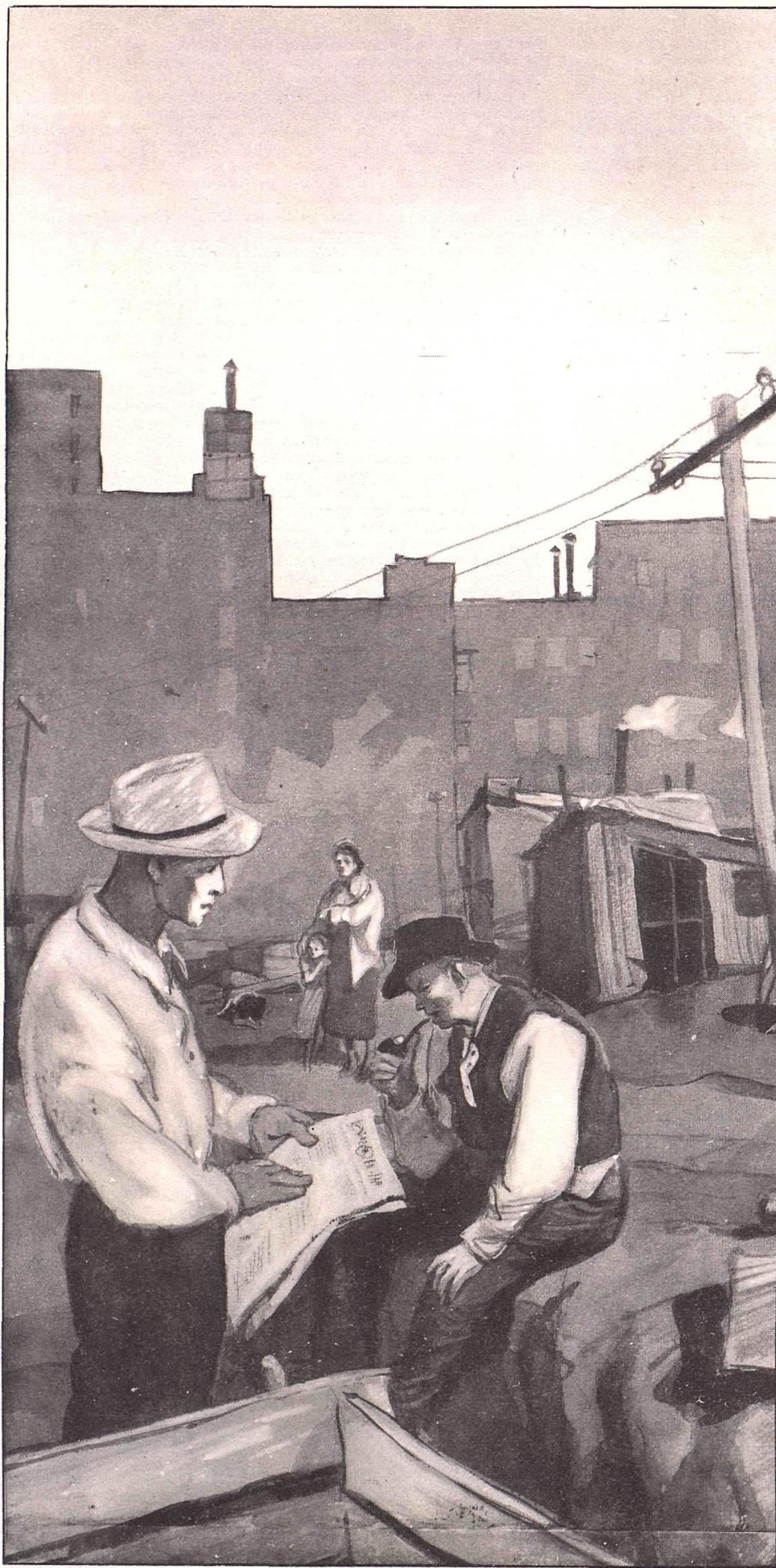
ИТАЛЬЯНСКИЙ КРЕСТЬЯНИН:

— Я вам покажу, как освободить меня от моих кур!

— Мы полнокровные американцы!..

Рисунки американского художника Б. Молдина

— Повидимому, у русских снова много достижений: уж очень мистер Херст ругается!

ХРАБРЕЦЫ

Пляж. Море. Знойный летний день.
Ни тучки в небесах.
Идут к воде, покинув тень,
Два храбреца в трусах.
Идут уверенно вперёд,
Никто из них не отстаёт.
Дошли до самой до воды —
И ни туды и ни сюды.
— Ну, лезьте!

— Лезьте вы!

— Нет, нет,

Вы лезьте, я за вами вслед!

— Нет, вы!

— А может быть, вдвоём?

— Нет, лучше вы, а я... потом!..

Американский босс опять

Трубит холопам сбор:

— Должны вы спешно подписать

Секретный договор!

К столу подходят храбрецы,

Весьма солидные дельцы,

Перо уверенно берут:

— Где подписать?

— Вот тут!..

— Ах, тут!..

— Ну, лезьте!

— Лезьте вы!

— Нет, нет,

Вы лезьте, я за вами вслед!

— Нет, вы!

— А может быть, вдвоём?

— Нет, лучше вы, а я... потом!..

Заокеанский президент

Проснулся хмур и зол:

Ему вдруг на один момент

Приснился Форрестол.

Сказал покойный господин:

— Я псих, но псих не я один.

Ведь мы же с вами заодно...

И распахнул пред ним окно:

— Ну, лезьте!

— Лезьте вы!

— Нет, нет,

Вы лезьте, я за вами вслед!

— Нет, вы!

— А может быть, вдвоём?

— Нет, лучше вы, а я... потом!..

Кричат в одной, кричат в другой

Запроданной стране:

— Война, войны, войне, войной,

Войною, о войне!

Ура!.. Войной пойдём тотчас,

Как только будет дан приказ!..

И если скажут им: «Пора!»,—

Все сразу закричат: «Ура!»

— Ну, лезьте!

— Лезьте вы!

— Нет, нет,

Вы лезьте, я за вами вслед!

— Нет, вы!

— А может быть, вдвоём?

— Нет, лучше вы, а я... потом!..

Забыл, как видно, тёмный сброд

Про нюренбергский суд.

Но день придёт, но час пройдёт,

На суд их приведут!

Когда объявят приговор,

То у петли начнётся спор:

— Ну, лезьте!

— Лезьте вы!

— Нет, нет,

Вы лезьте, я за вами вслед!

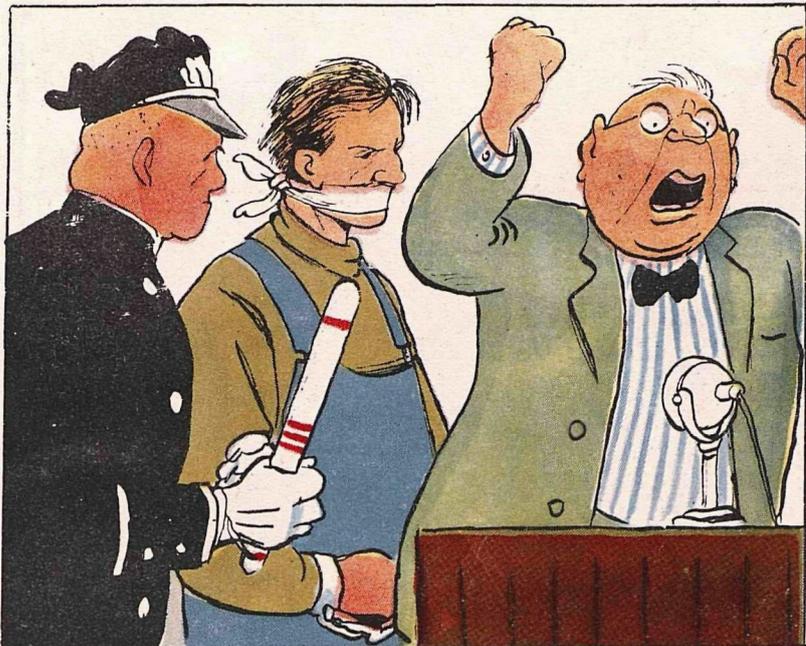
— Нет, вы!

— А может быть, вдвоём?

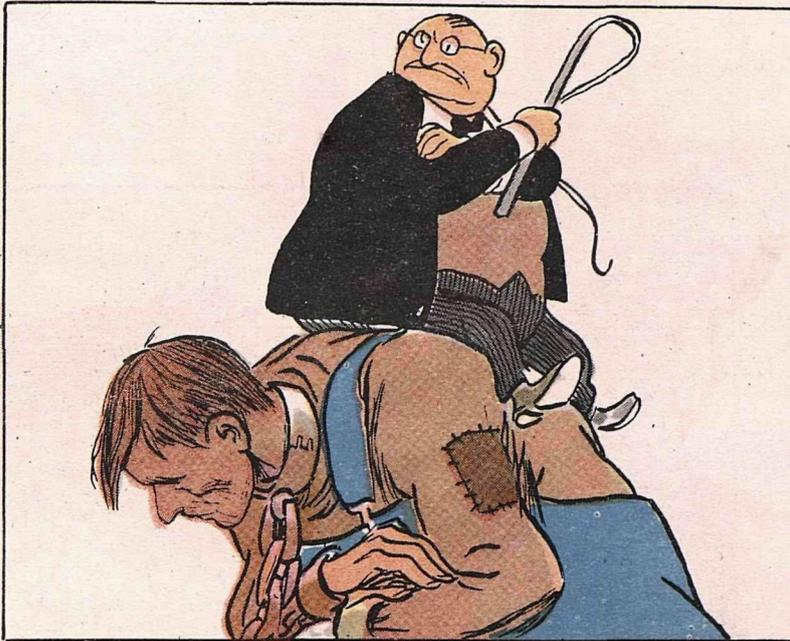
— Нет, лучше вы, а я... потом!..

А ПРОГРАММА НАША ВОТ КАКОВА...

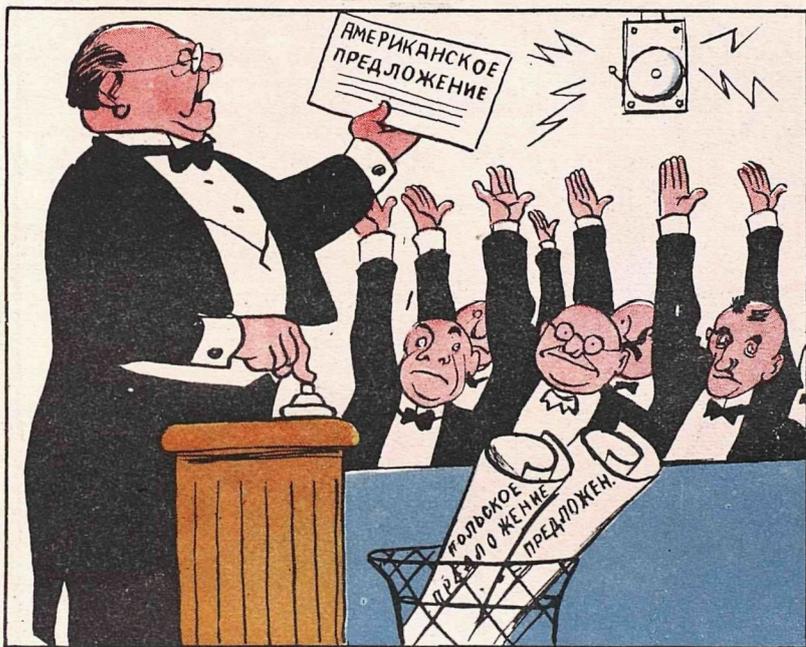
Рис. Ю. ГАНФА

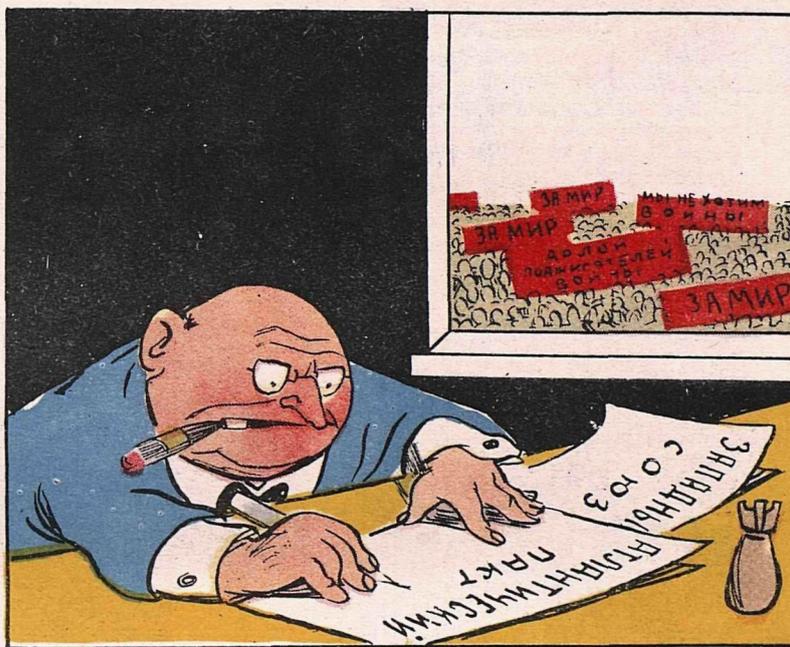
1. Чтобы мы, мерзавцы, говорили, а прочие чтобы молчали.

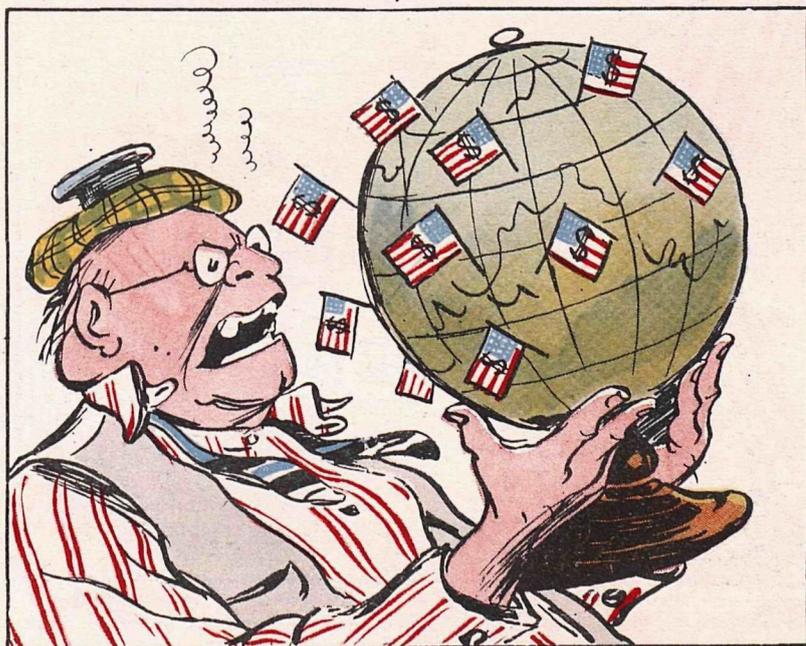
4. Чтобы нас, мерзавцев, содержали в холе и в неженье, а прочих всех — в кандалах.

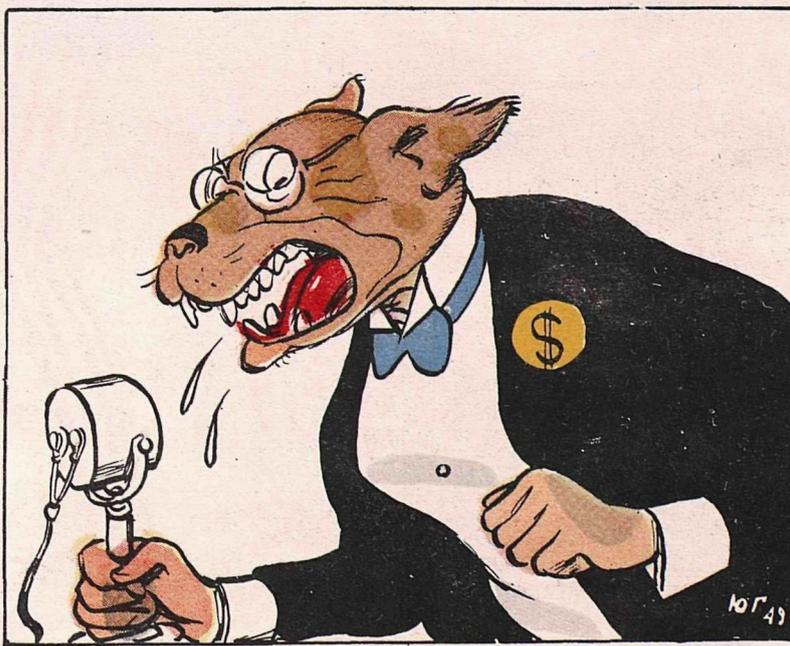
2. Чтобы наши, мерзавцев, затем и предложения принимались немедленно, а прочих желания чтобы оставались без рассмотрения.

5. Чтобы нами, мерзавцами, сделанный вред за пользу считался, а прочими всеми если бы и польза была принесена, то таковая за вред бы считалась.

3. Чтоб нам, мерзавцам, жить было повадно, а прочим всем чтоб ни дна, ни покрышки не было.

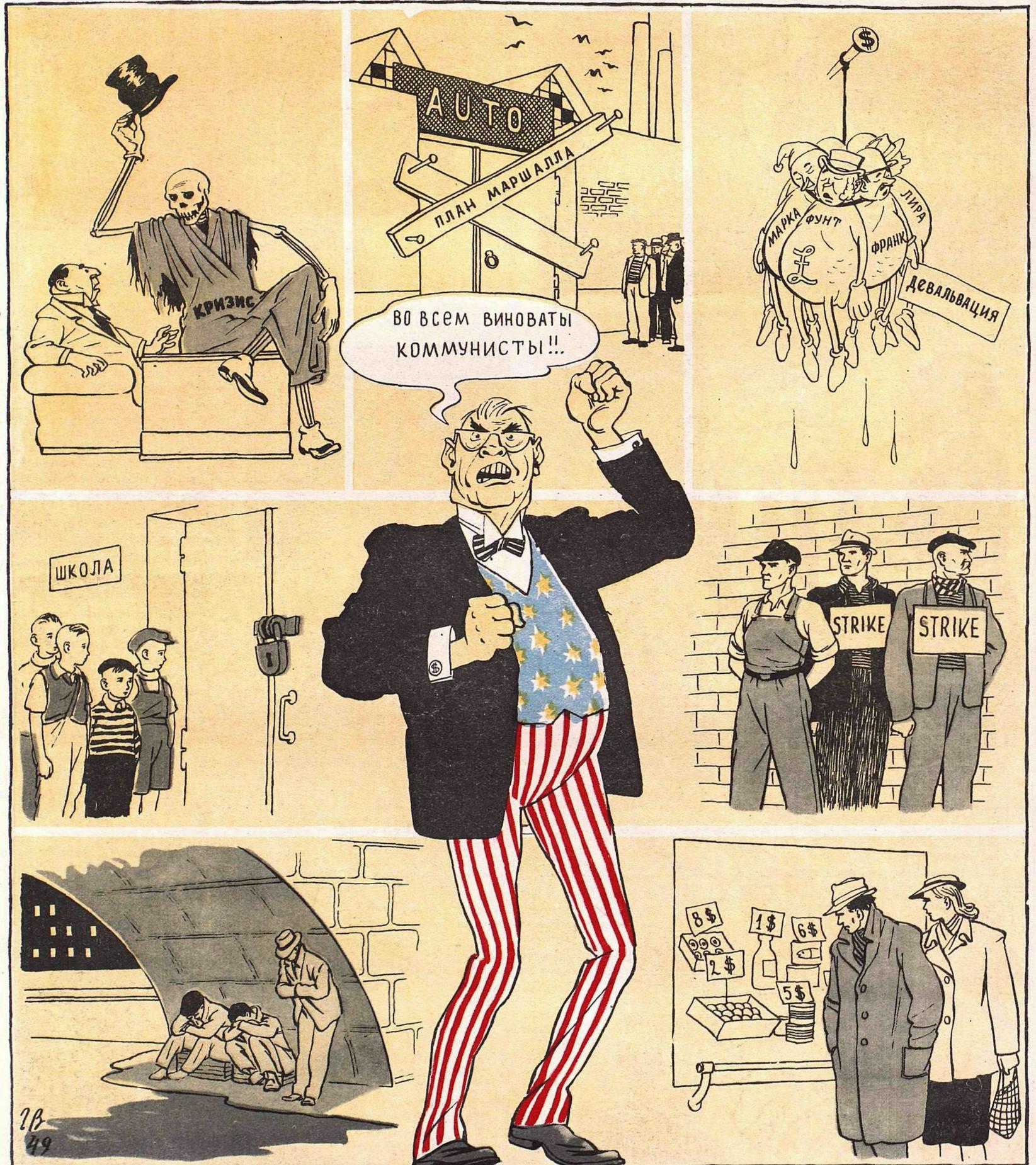
6. Чтобы об нас, об мерзавцах, никто слова сказать не смел, а мы, мерзавцы, о ком вздумаем, что хотим, то и лаем!

(М. Е. Салтыков-Щедрин, том XV).

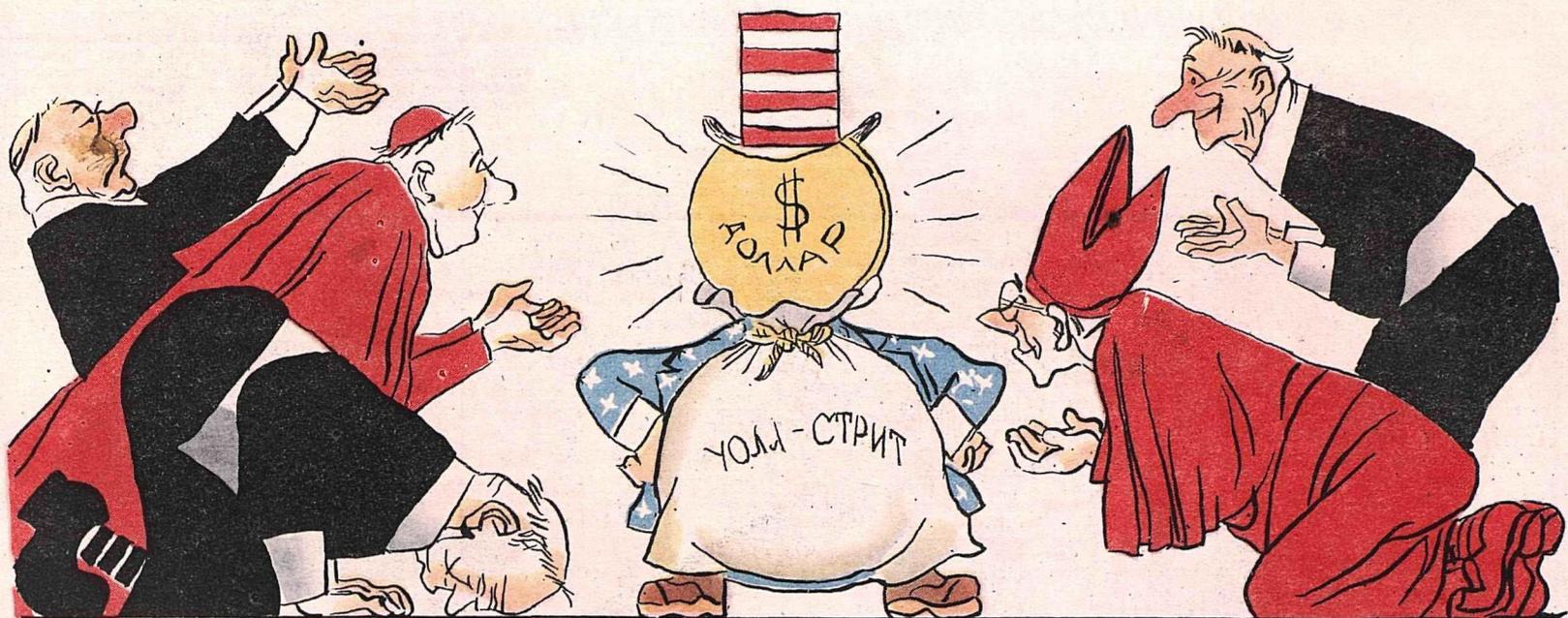
С БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ...

Англо-американская пропаганда все беды и неудачи в своих странах сваливает на коммунистов.

Рис. Г. ВАЛЬКА

Семь бед — один ответ.

БОГ АМЕРИКАНСКОГО БИЗНЕСА

НА АМЕРИКАНСКОМ долларе начертана надпись: «В бога мы верим». Они верят в доллар — верховное божество всех торгашей мира. Ведь заявил же американский епископ Холлис:

«Что касается наживы, то производство — наш бог, торговые агенты — наши священники, а банки и биржи — наши храмы».

Морганы, рокфеллеры, меллоны сегодня имеют в своём распоряжении все виды церковно-сектантских отравляющих газов: буддизм, иудаизм, маометанство, конфуцианство, католицизм, лютеранство, англиканство, евангелизм, меннонизм, методизм и все прочие «измы», помогающие капиталистам приводить верующих в состояние тупости, подавлять в них волю к сопротивлению.

Всего в США насчитывается около 220 разных религиозных течений, более 250 тысяч очагов дурмана, свыше 300 тысяч специалистов по фабрикации религиозного опиума.

Один из них, этих специалистов, нью-йоркский пастор Рейснер, заявляет:

«Если у меня есть лавка, но нет покупателей, я банкрот, если у меня есть лавка церковная и я не приобретаю душ для спасения, — я тоже банкрот. Худая торговля для церкви — такое же бедствие, как и для магазина. Я торгую спасением душ, я не хочу быть банкротом. Иисус Христос дал мне небесный капитал, и я должен принести небесам хорошие проценты».

Не следует, конечно, сомневаться, что хорошие проценты пастор загребает в свой карман. На небеса он не посылает, ссылаясь, очевидно, на то, что даже при американском сервисе денежные переводы на небо пока ещё не принимаются...

Бизнесмены в рясах и сутанах во главе с нью-йоркским архиепископом, вожаком католических мракобесов кардиналом Спеллманом, делают всё, чтобы заманить верующих в церковь.

На улицах американских городов висят огромные световые рекламные плакаты, зазывая прихожан в церковь, где можно увидеть... выступления жонглёров, фокусников и эквилибристов.

«Преподобный» Грехем Уокер в городе Никсвилле объявил, что прочтёт проповедь на тему «Последние новости из самой преспопней».

«Достопочтенный» Бустер в городе Мильвоки избрал другую сенсационную тему: «Чемпионы священного писания». Он намалевал и вывесил в храме такую таблицу:

1. Самсон — чемпион-тяжеловес.
2. Иаков — чемпион борьбы.
3. Енох — чемпион бега.
4. Давид — чемпион лёгкого веса.
5. Саул — сошёл с круга.
6. Иисус — чемпион мира.

Конкурент Бустера в этом же городе пастор Кричлей решил перещеголять соперников и объявил, что при храме открываются курсы для всех желающих изучить новейшие приёмы кулачного боя...

А в штате Кентукки (город Руссельвилл) верующим было разослано такое приглашение:

«Евангелист Джон Персент произнесёт проповедь в церкви Юнион Сервис в воскресенье в 8 часов».

Евангелист Персент, бывший боксёр, бывший бандит, самогонщик и вымогатель — современное божье чудо. Каждый должен послушать этого исключительного евангелиста.

Другие духовные отцы оказываются ещё более изобретательными. Пастор из города Сан Луис в штате Миссури объявил, например, что его проповедь «будет горяча, как пламя, раскалена добела, словно железо в горне». Он отобрал наиболее смазливых хористок и продемонстрировал их собравшимся богомольцам в костюмах Евы.

«Вот я вам представляю компанию хористок голых и совсем неприличных, — изрёк пастор. — Они такие толстенькие, соблазнительные до самых ногтей. Я назову их по именам: Безбожие, Лицемерие, Распутство. Распутство хуже всех. Распутство — это чортова дочь и дьявольская девка».

Наиболее изобретательные торговцы божьей благодатью дошли уже до того, как сообщают американские газеты, что читают проповеди, стоя на голове.

Весь этот отвратительный балаган паянчающих и кривляющихся «преподобных» отцов не только смешон. Он не только демонстрирует американское мракобесие. Чёрное воинство «наместников бога на земле» выполняет прямой заказ Уолл-стрита по обалваниванию американского народа, по разжиганию военного психоза с церковных амвонов.

Недаром же американское национальное объединение промышленников имеет особый комитет сотрудничества с церковью. В роли председателя этого комитета подвизается мистер Джаспер Крейн, который успешно совмещает спекуляции на бирже со спекуляцией на человеческом невежестве: он осуществляет церковную программу Уолл-стрита.

Недаром рядом с кардиналом Спеллманом нога в ногу шествует ярый поджигатель войны Джон Фостер Даллес, задающий тон в «Федеральном совете церковей» Соединённых Штатов Америки.

По приказу Спеллмана голосистые пасторы восхваляют фашиствующего судью Медину, осудившего руководителей американской компартии. Самой ходкой темой церковных проповедей теперь является восхваление, со ссылкой на евангелие, атомных бомб и «стратегических» талантов поджигателей войны.

Автор вышедшей в США книги «Человек, которого никто не знает» Брус Бартон именует Иисуса Христа «основателем современного бизнеса». Прославляя Христа как прообраз американского миллиардера, автор заключает:

«Все принципы современной торговой агентуры, которыми так гордятся деловые люди, блестяще представлены в словах и делах Христа».

И вторя Брусу Бартону, хорошо упитанные ксёндзы и пасторы под сенью американских храмов-небоскрёбов читают лекции-проповеди на такие темы:

«Христос — величайший мастер рекламы».

«Стал ли бы Иисус Христос играть в три очка?»

«Нагорная проповедь — это самый огромный бум, который когда-либо существовал в истории».

Современные атомщики-мясники недаром сделали евангелие своей настольной книгой. Ведь ещё святой Григорий Богослов, живший в IV веке, в письме к другому отцу церкви, святому Иерониму, рекомендовал ему:

«Надо побольше небылиц, чтобы производить впечатление на толпу. Чем меньше она понимает, тем больше она восхищается. Наши отцы и учителя всегда говорили не то, что думали, а то, что влагали в их уста обстоятельства и потребности».

А сегодня обстоятельства таковы, что дела поджигателей войны под давлением укрепляющегося и растущего фронта мира идут с каждым днем всё хуже и хуже. Количество посетителей в церквях продолжает падать. Отчёты американских религиозных бизнесменов не случайно переполнены горькими сетованиями по поводу «оскудения веры» и уменьшения церковного стада. Уже многие простые люди Америки раскусили подлинную сущность торговцев фальшивыми билетами в царство небесное.

Б. КАНДИДОВ

Ни в одной капиталистической стране не может быть сформирован кабинет против воли крупнейших финансовых тузов: стоит только произвести нажим — и министры летят со своих постов, как оглашенные.

Рычаг управления.

ПОХИЩЕНИЕ МЕЙЕРГОФЕРА

НЕКИЙ патер Мейергофер, проживающий в Верхней Австрии, неожиданно исчез. Верующие католики решили, что он вознёсся на небо, но чудо не свершилось. Мейергофер появился так же неожиданно, как и пропал, и в очередной проповеди сообщил изумлённой пастве, что его... украли большевики.

Бульварные листки использовали эту «сенсацию» для очередной антисоветской шумихи, а расторопный патер стал созывать по несколько пресс-конференций в день, сообщая леденящие душу подробности о том, как его допрашивали и пытали.

Шизофренический бред Мейергофера усиленно распространялся издаваемой в Вене американской газетой «Винер курир». Патер придумывал всё новые небылицы, которые не снились даже барону Мюнхгаузену, как вдруг произошёл очередной оглушительный провал. Австрийское министерство внутренних дел под давлением демократической общественности было вынуждено произвести расследование и опубликова-

ло специальное коммюнике.

Оказалось, что патер Мейергофер воровал картины и другие художественные ценности из своего монастыря и спекулировал ими, уезжая для этого в одну из соседних с Австрией стран.

Недаром говорится: «С кем поведёшься, от того и наберёшься». Предприимчивый патер просто последовал примеру своих американских хозяев. Всем известно, что главными расхитителями австрийских художественных ценностей являются американские бизнесмены.

Как заявил недавно корреспонденту газеты «Дербенд» директор Государственных художественных коллекций в Австрии профессор Стике, около одной трети коллекции, состоящей из 10 тысяч картин и гобеленов, контрабандным путём вывезено на Запад в дипломатических и военных машинах.

Патер Мейергофер оказался только способным учеником американских деловых людей. У них он перенял тонкий художественный вкус... к чужим картинам и гобеленам.

Ю. КЛЕМАНОВ

ЕЩЕ ОДИН МУССОЛИНИ

До какой наглости дошли итальянские фашисты, весьма уютно чувствующие себя под крылышком де Гаспери, можно убедиться, прочитав сообщение в итальянской газете:

«Шлеманник Муссолини — Витторио Муссолини прибыл из Аргентины в Рим, чтобы добиться восстановления в правах собственности на типографию одной из самых крупных фашистских газет, «Пополо д'Италия».

Сей аргентинский фрукт, несомненно, придётся по вкусу нынешнему «демократическому» итальянскому правительству. Однако итальянский народ держится несколько иного мнения и считает, что единственное на следствие, на которое может претендовать фашистский послыдьш, — это кусок той верёвки, на которой болтался в своё время его сиятельный дядюшка...

СТИПЕНДИАТЫ АМЕРИКАНСКОГО КОНГРЕССА

Как сообщает агентство «Ассошиэтед пресс», бывший председатель комиссии палаты представителей по военным делам Мэй 5 декабря начал отбывать тюремное заключение, к которому он был приговорён за то, что брал крупные взятки за услуги военным промышленникам во время войны. Находясь в тюрьме, Мэй будет получать ежемесячную пенсию от американского конгресса в сумме 280 долларов.

Не повезло бедняге Мэю! В связи с этим группа сенаторов внесла законопроект о выделении по плану Маршалла специального фонда для помощи провинциальным коллегам. Считают, что законопроект будет принят без излишних дебатов, так как в нём заинтересовано подавляющее большинство американских конгрессменов...

ПОД СЕНЬЮ ПОЛИЦЕЙСКОГО ШЛЕМА

В Лондоне произошёл из ряда вон выходящий случай. Как сообщает газета «Сандей диспач», в субботу утром 19 ноября лондонцы с изумлением обнаружили на острие шпиля самой высокой башни английского парламента... полицейскую каску. Что и говорить, зрелище было весьма символическое: полицейский шлем как символ «демократического» лейбористского правительства.

В тот же день были приняты экстренные меры для того, чтобы снять злополучную каску. Но сделать это оказалось не так-то легко: забраться на шпиль никто не смог. Тогда из отпуска вызвали какого-то знаменитого верхолаза. Только на следующий день с помощью 14 лестниц и сотен ярдов верёвки взобрался он на шпиль и снял каску.

Газета и английские правители до сих пор недоумевают, как мог «злоумышленник» взобраться на такую высоту, а главное, как мог он пробраться в парламент. Ведь парламент находится «под самой сильной полицейской охраной, какая только существует в Англии».

Верхолаз снял полицейскую каску со шпиля, но что изменилось от этого? Англия бевинов и черчиллей остаётся полицейским государством. Полицейская каска бросает свою зловещую тень на всю жизнь английского народа.

ПУТЬ К СПАСЕНИЮ

Монашеские добродетели ныне уж не котируются на духовной ватикано-американской бирже. Не в постах и молитвах теперь ищут спасения католические монахини. Современные схимницы прокладывают себе дорогу в рай иными путями... игрой в кегли.

На снимке, взятом из американских газет, изображена обычная сцена из жизни крупнейшего католического монастыря в Чикаго. На монастырском кегельбане сёстры-послушницы режутся в кегли. Чемпионка-монахиня Мирман Джозеп (в центре) уже обеспечила себе царство небесное и приличный гонорар на земле меткостью и силой удара.

Теперь монахини-тяжеловесы нашли ещё один путь спасения: они занимаются боксом и французской борьбой...

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, Г. КОРОЛЬКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, И. РЯБОВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 40, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 910. Подписано к печати 19/ХП 1949 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А — 09595.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Тираж 167 000 экз. Заказ № 3254.

39
28 ДЕКА 1949

Всесоюзная
Книжная Палата
Облз. экземп.
1949 г. 127 47 жс.

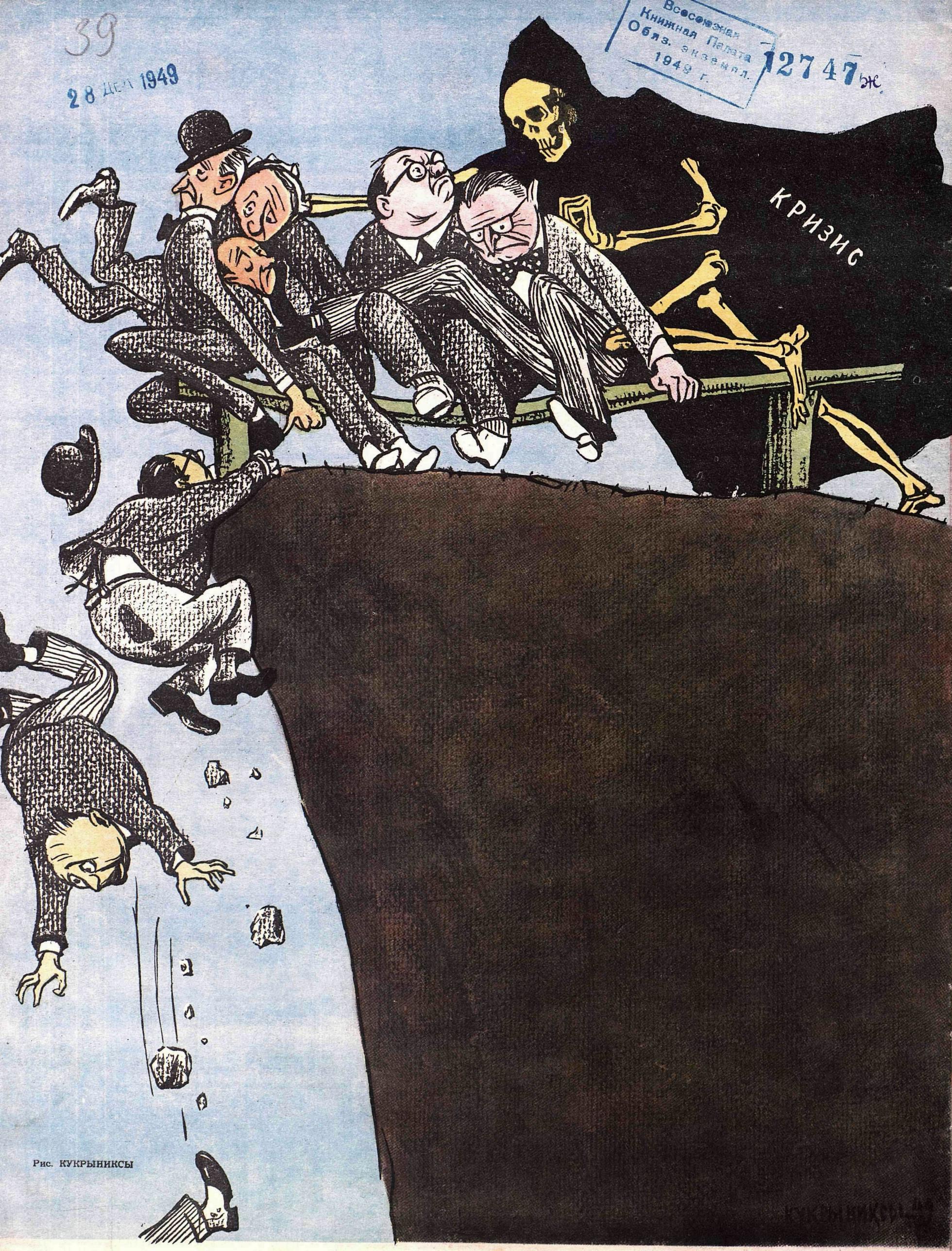

Рис. КУКРЫНИКСЫ